

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 800-899.82

Е.С. Буркова

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПРАКТИКА Л. ШЕСТОВА («КИРКЕГАРД И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ»)

Е.С. Буркова

ИНТЕРПРЕТАЦІЙНА ПРАКТИКА Л. ШЕСТОВА («КІРКЕГАРД ТА ЕКЗИСТЕНЦІЙНА ФІЛОСОФІЯ»)

У статті розглядаються аспекти інтерпретаційної практики Л. Шестова. Аналізується стаття «Кіркегард та екзистенційна філософія (Глас вопіючого у пустелі)», оскільки ряд положень, викладених у ній, дозволяє виявити особливості філософського дискурсу критика, зрозуміти значущість філософських ідей у підході Л. Шестова до проблем літератури. Виділяються основні теми, у зв'язку з якими критик звертається до спадщини С. Кіркегора: онтологічна самотність, екзистенційність світосприйняття людини, межова ситуація між життям та смертю.

Ключові слова: критика, російська література, «шестовізація», митець, інтерпретація.

Е. С. Буркова

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПРАКТИКА Л. ШЕСТОВА («КИРКЕГАРД И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ»)

В статье рассматриваются аспекты интерпретационной практики Л. Шестова. Анализируется статья «Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)», так как ряд положений, изложенных в ней, позволяет выявить особенности философского дискурса критика, понять значимость философских идей в подходе Л. Шестова к проблемам литературы. Выделяются основные темы, в связи с которыми критик обращается к наследию С. Кьеркегора: онтологическое одиночество, экзистенциальное мироощущение человека, пограничная ситуация между жизнью и смертью.

Ключевые слова: критика, русская литература, «шестовизация», художник, интерпретация.

E. S. Burkova

INTERPRETATION PRACTICE OF L. SHESTOV (“KIRKEGARD AND EXISTENTIAL PHILOSOPHY”)

This article examines L. Shestov's interpretation practices. The accent is making on his article “Kirkegard and existential philosophy”, because many ideas, which are in this work analyzed, reveal features of philosophical discourse of critic, to understand the significance of philosophical ideas in approach of L. Shestov to problems of literature. Highlighted the main themes in connection with which the critic refers to the legacy of S. Kirkegard: the ontological loneliness, existential attitude of man, boundary situation between life and death.

Key words: criticism, russian literature, “shestovizatsiya”, creator, interpretation.

В современном литературоведении усилился интерес к проблемам истории и теории литературной критики. В этом плане значимы исследования А. Валицкого, Р. Громяка, Н. Кочетовой, В. Лашова, М. Наенко, А. Оппо, Н. Раковской, С. Яковенко и др. В то же время теоретически важными для решения поставленной проблемы являются концепции М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Тюпы. В современном гуманитарном знании особый интерес вызывает литературная критика конца XIX – начала XX вв. В этом плане наибольшее количество работ посвящено В. Розанову, Д. Мережковскому (Н. Грякалова, В. Лебедева, А. Холиков).

Однако следует заметить, что критическое наследие Л. Шестова предметом пристального осмысления в литературоведении ещё не стало. В связи с актуализацией проблемы целью данной статьи является осмысление интерпретационной практики Л. Шестова, в частности, выделение принципов подхода к русской литературе, среди которых, безусловно, доминирующим является философичность.

Обращение к работам Кьеркегора, Гуссерля, Ницше позволили критику выстроить концепцию русской литературы, в центре которой находится философская проблематика: «...русская философская мысль, такая глубокая и такая своеобразная, получила своё выражение именно в ху-

дожественной литературе. Никто в России так свободно и властно не думал, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Толстой... и даже Чехов... » [6, с. 45].

Н. Бердяев отмечал, что «Киркегор – лишь прекрасный повод для развития темы, которая его (Л. Шестова) самого мучит и которой он посвятил всё своё творчество» [2, с. 35]. Это тема трагичности человеческого существования. Для решения поставленной задачи С. Кьеркегор и Л. Шестов включают в текст библейские мотивы: страдания, греха, воскресения. Кроме того наполненность статей Л. Шестова явными и скрытыми цитатами, авторскими комментариями, оставленными для осмысления читателю, определяют полифоничность его размышлений. В связи с этим укажем на диалогичность критической системы Л. Шестова. Художник становится основным объектом, вокруг которого выстраивается ход размышлений критика. Обратимся к организации текста статьи «Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)». Она состоит из 25 глав и заключения. Каждая глава содержит в своём названии отдельные аспекты проблемы («Вера и грех», «Гений и рок», «Знание как падение» и др.); в заголовки ряда глав вынесены имена мыслителей или библейских персонажей, к которым постоянно обращается критик: «Иов и Гегель», «Киркегард и Лютер». Отметим, что расположение имён Иов и Гегель рядом указывает на проблему иррационального и рационального начал в модели мира Л. Шестова. Иов, являющийся примером абсолютной веры в Бога, даже находясь на грани гибели, противостоит, с точки зрения критика, Гегелю как создателю универсальной системы идеализма, в основании которой находится разум. Каждой главе предпослан эпиграф из философских работ или Библии, который Л. Шестов разворачивает, осмысляет, соотносит с интерпретацией волнующих его вопросов.

Так, например, в главе «Иов и Гегель» критик интерпретирует фразу «Глас вопиющего в пустыне», подчёркивая экзистенциальную позицию С. Кьеркегора. Тем самым Л. Шестов как субъект высказывания ведёт речь об экзистенциальном состоянии художника и философа, высказанном в следующем суждении: «... философия и литература имеют своим началом не удивление <...> а *отчаяние* [Здесь и далее курсив наш. – Е. Б.]» [6, с. 59]. Отчаяние возникает в состоянии обречённости, онтологического одиночества и является импульсом в творчестве художника, раскрывающего глубины человеческой души. С точки зрения критика, писатель способен создать великие произведения только тогда, когда в его жизни была трагедия, когда он сам находился на краю гибели. Например, Ф. Достоевский, по мнению Л. Шестова, после помилования пишет лучшие свои произ-

ведения. Мучительное ощущение жизни проявилось в творчестве Н. Гоголя. Сопоставляя художественные миры Ф. Достоевского и Н. Гоголя, Л. Шестов указывает, что Достоевский сильнее проявляет своё отчаяние в художественных произведениях, Гоголь – в публицистике, ибо в ней очевидна обращённость писателя к читателю. Литературовед В. Лашов отмечает: «Невыразимо страшное чувство перехода в инобытийное существование сумели потрясающе выразить многие русские писатели, но первее всех в этом отношении был, с точки зрения Шестова, Гоголь. Он считал его книги неразгаданными, скрывающими за семью печатями мироощущение великого писателя, представлявшего весь мир замороженным царством, погружённым в лицемерное смирение перед лицом необходимости. С точки зрения Шестова, Гоголь мучительней, чем Достоевский, чувствовал страшную власть чистого разума» [цит. по: 4, с. 37].

Л. Шестов указывает, что С. Кьеркегор так же, как русские писатели, решает «последние загадки бытия» – «загадки знания, веры, греха, искупления» [6, с. 72]. Когда приходит осмысление бытия, возникает «безотчётный, беспричинный и бессмысленный страх перед Ничто» [6, с. 75]. Страх же порождает отчаяние, которое «подводит художника к пределам сущего» [6, с. 89]. *Ничто* в понимании Л. Шестова – это неизвестность, которая открывается человеку только тогда, когда он решается заглянуть за пределы сущего, за грань жизни и смерти, в мир божественной веры.

Л. Шестов включает в свои рассуждения читателя, в диалоге с которым ставит и решает онтологические вопросы бытия. Диалогичность двух сознаний даёт возможность Л. Шестову прийти к выводу, что разум превратил мир в великую иллюзию, где невозможным становится «преодоление самоочевидных» вещей (по суждению Л. Шестова – «самоочевидность»). Глас вопиющего в пустыне – это не только голос Иова, страдающего от страшной болезни в пустыне, Ф. Достоевского, ожидающего смертной казни, трагической гибели М. Лермонтова, безумства Н. Гоголя, – но и призыв самого Л. Шестова к отречению от власти разумной необходимости и приходу к вере. Именно поэтому ему близки художники, способные на внутренний бунт: М. Лермонтов и Ф. Достоевский, Г. Ибсен для критика – художники, в творчестве которых истинным становится то, что посылает художнику Бог с верой.

В этой связи любопытной является классификация личности, которую предлагает С. Кьеркегор. Мыслитель выделяет 2 типа личности:

- ❖ рыцарь покорности;
- ❖ рыцарь веры.

Рыцаря покорности С. Кьеркегор определяет как тип личности, смилившейся со своей участью, ощущающей себя «только пришельцем и чужаком». С. Кьеркегор приводит известный фольклорный мотив о царской дочери, которую хочет завоевать молодец, но он не делает усилие в движении к вере и Богу. В то время как *рыцарь веры* «<...> благодаря вере <...> получит царскую дочь <...>, ибо он господствует над конечным» [6, с. 155].

На основе системы С. Кьеркегора Л. Шестов создаёт классификацию типов художника, согласно которой художник может реализовать себя в четырёх ипостасях: плотской, душевной, духовной, невинной.

Так, например, обращаясь к творчеству И. Тургенева, в частности, к «Стихотворениям в прозе», Л. Шестов замечает, что писателю удалось выразить тоску «о жизни... ушедшей на проповедь «добра». «Предпоследние слова» И. Тургенева возникают на грани жизни и смерти, когда раскрывается внутреннее Я человека, приближая его к истине. Именно поэтому человек в творчестве Тургенева, с точки зрения критика, является *исключительной* личностью со своей *неповторимой* жизнью, индивидуальностью.

Отношение Л. Шестова к творчеству И. Тургенева нельзя определить однозначно. Именно в «Стихотворениях в прозе» Шестов усматривает мотив «предпоследних слов» писателя, то есть момент осознания художником онтологического одиночества, которое можно преодолеть силой веры, чтобы вырваться из норм и законов обыденности. Критик называет такой путь приходом к вере через Абсурд и осуществлением движения «рыцаря покорности» к «рыцарю веры».

Рыцарь веры для Л. Шестова – это художник *духовного типа*. К ним критик относит М. Лермонтова, Ф. Достоевского, А. Чехова, Г. Ибсена. Герои их произведений не боятся заглянуть за пределы сущего и ответить на вопросы о смысле жизни.

Промежуточным становится *душевный тип* художника. К нему принадлежат люди, стремящиеся к вере, но не пришедшие к ней. Они находятся за границей познания добра и зла и потому способны послушаться Бога и совершить первородный грех.

Обращаясь к читателю, Л. Шестов пишет: «...Послушаем его (т.е. С. Кьеркегора. – Е.Б.): «Невинность (т.е. состояние до первородного греха – Е.Б.) есть неведение. В невинности художник определяется не духовно, а душевно, в непосредственном единстве с природностью. Дух в художнике ещё дремлет. Такое понимание находится в полном соответствии с Библией, которая не признаёт за невинным человеком различия между добром и злом <...> а тайна невинности есть в то же

время и страх...» [6, с. 125]. Имя Ф. Достоевского возникает, когда Л. Шестов ищет ответ на вопрос С. Кьеркегора: «...Что же, и Христос, являя чудо, отклонял наше внимание от милосердия и, стало быть, провинился перед этическим?» [6, с. 145]. Для Л. Шестова очевиден ответ на данный вопрос: Христос как Сын Божий стоит над этическим, потому категории этического (например, милосердие, которое, как мы отмечали выше, утверждает бессилие человека) для Него неистинны, *верой* совершаются великие дела. Но целью критика является необходимость убедить в этом реципиента, потому он отмечает: «Пусть на этот вопрос ответит Достоевский, один из наиболее близких и конгенитальных Кьеркегарду писателей: «Я утверждаю <...> сознание своего бессилия помочь или принести хоть какую-нибудь пользу или облегчение страдающему человечеству, в то же время при полном убеждении в страдании человечества, может обратить в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему» [6, с. 179]. Эти слова из «Дневника писателя, 1875 г.» (гл. 3 «Голословные утверждения») отражают интерес Л. Шестова к проблеме свободной воли художника, которую парализует обыденность. Это тот душевный тип художника, пределы которого не преодолели ни С. Кьеркегард, ни Л. Толстой, ни Г. Ибсен, ибо понимание смысла жизни и творчества невозможно из-за страха перед Ничто, когда пассивная любовь рождает ненависть, окончательно закрывающую выход к вере. Пограничность и кризисность ситуации в душе художника определяется Л. Шестовым как хронотоп сознания, внутренний пространственно-временной образ, открытый и динамичный, противоречивый и нестабильный, в котором возможна «бессильная любовь» и «любовь-бунт».

Решая сложные философские проблемы в творчестве писателей, Л. Шестов обращается к читателю (таким читателем в данной ситуации является философ). Очевиден интерес автора и читателя к совместному действию, подчеркивающий значимость предмета обсуждения. Вместе с тем автор не константен, а подвижен, он может в любой момент перейти на позицию читателя воспринимающего. Высказывание Л. Шестова после цитации текста С. Кьеркегора обозначает доминанты сознания самого критика.

Л. Шестов является одновременно и субъектом, и объектом высказывания, реципиентом.

Укажем также, что, с нашей точки зрения, рассуждения ведутся автором в рамках рецептивной критики, в основе которой находятся следующие положения:

- 1) «читатель реагирует на поток, а не высказывание в целом» [7];
- 2) «внутреннее постижение объекта полнотой заменяет язык (то есть ощущение домини-

рует над вербальными средствами и занимает ведущую роль в акте интерпретации)» [7].

Следование таким положениям помогает Л. Шестову достичь высокого уровня интертекстуальности, диалогичности и сформулировать основные принципы своей критической системы, определив место художника в сложной ситуации пороковости и экзистенциального одиночества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1986. – 359 с.
2. Бердяев Н. А. Основная идея философии Льва Шестова [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/shestov.html>.
3. Ильин В.Н. По поводу «Апофеоза бес-

почвенности» Л.И. Шестова / В.Н. Ильин Эссе о русской культуре.– СПб.: Акрополь, 1997. – 128с.

4. Кувакин В. А. Мыслители России: Избр. лекции по рус. философии / В. А. Кувакин.– М.: Российское гуманистическое общество, 2005. – 425 с.

5. Лотман Ю. Анализ поэтического текста / Ю. Лотман. – СПб.: Акрополь, 1996. – 399 с.

6. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. – СПб.: Азбука, 2005. – 305 с.

7. Шурков А. Словарь терминов и понятий рецептивной эстетики [Электронный ресурс] / А. Шурков. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>

8. Яковенко С. Романтики, эстетики, ницшеанцы. Українська та польська літературна критика раннього модернізму / С. Яковенко. – К.: Просвіта, 2006. – 296 с.

УДК 821.161.1–3Гаврилов

Т. А. Шеховцова

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ В ПОВЕСТИ А. ГАВРИЛОВА «ВОПЛЬ ВПЕРЕДСМОТРЯЩЕГО»

Т. А. Шеховцова

ПАРАЛЛЕЛЬНІ СВІТИ В ПОВІСТІ А. ГАВРИЛОВА «ВОПЛЬ ТОГО, ХТО ДИВИТЬСЯ УПЕРЕД»

У статті розглядаються «паралельні світи» в повісті А. Гаврилова «Вопль того, хто дивиться уперед» – мікромоделі реальності, з яких складається художній світ твору (мариністична, літературна, історична, математична та ін.). Показано, що кожна із макромоделей має свій предмет та мову опису, свої закони та межі. У той же час ці світи виявляють риси подібності, їх об'єднують екзистенційна свідомість оповідача і семантичні домінанти, які є смислоутворювальними факторами гаврилівського тексту.

Ключові слова: художній світ, паралельні світи, моделі реальності, семантичні домінанти.

Т. А. Шеховцова

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ В ПОВЕСТИ А. ГАВРИЛОВА «ВОПЛЬ ВПЕРЕДСМОТРЯЩЕГО»

В статье рассматриваются «параллельные миры» в повести А. Гаврилова «Вопль вперёдсмотрящего» – микромоделі реальности, из которых складывается художественный мир произведения (маринистическая, литературная, историческая, математическая и др.). Каждая из микромоделей имеет свой предмет и свой язык описания, свои законы и пределы. В то же время эти миры обнаруживают черты подобия, их объединяют экзистенциальное сознание повествователя и семантические доминанты, которые являются смыслообразующими факторами гавриловского текста.

Ключевые слова: художественный мир, параллельные миры, модели реальности, семантические доминанты.

T. A. Shekhovtsova

THE PARALLEL WORLDS IN A. GAVRILOV'S STORY "A LOOKOUT'S CRY"

In the article «the parallel worlds» in A. Gavrillov's story "A lookout's cry" – the micromodels of reality which form the art world of this work (marinist, literary, historical, mathematical etc.) are considered. Each of the micromodels has its own subject, description language, laws and limits. At the same time these worlds reveal the lines of similarity, they are united by the existential consciousness of the storyteller and the semantic dominants which are the sensemaking factors of the Gavrillov's text.

Keywords: art world, parallel worlds, reality models, semantic dominants.

Новая книга Анатолия Гаврилова «Вопль вперёдсмотрящего» (2011), которую критики уже

назвали «самой долгожданной» [4], думается, вполне оправдала читательские ожидания: представленные в ней тексты, оставаясь вполне «гавриловски-